

СОФИЯ ВУЛ

КНИГИ С ДАРСТВЕННОЙ

Иногда,
чтобы понять жизнь,
нужно открыть
чужие страницы

С любовью.
Лена.

София Вул

Книги с дарственной

<https://litres.ru/74541373>

SelfPub; 2026

Аннотация

Полгода назад Андрей потерял жену, с которой прожил двадцать шесть лет. Разбирая её вещи, он находит папку со списком людей и книг, когда-то подаренных Еленой. В каждой — личная надпись, а рядом её последняя просьба: найти эти книги.

Андрей начинает поиски. Каждая найденная дарственная открывает ему другую Елену — сомневающуюся, уставшую, влюблённую в жизнь и совсем не такую, какой он привык её видеть.

Постепенно Андрей понимает: все эти годы рядом с ним жила женщина, о которой он знал далеко не всё. Но в списке остаётся последняя книга. И предназначена она ему.

«Книги с дарственной» — психологическая история о любви, памяти, невысказанных словах и о том, можно ли по-настоящему узнать человека, даже прожив с ним почти всю жизнь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	37

София Вул

Книги с дарственной

КНИГИ С ДАРСТВЕННОЙ

Психологическая повесть

Глава 1

Через полгода после смерти Елены Андрей решил выбросить её халат.

Решение пришло утром без всякой причины. Он стоял в ванной, чистил зубы и смотрел на крючок возле двери. Светло-серый махровый халат висел там всё это время. Елена купила его лет пять назад и сразу невзлюбила.

— Рукава дурацкие, — сказала она тогда. — Мокнут постоянно.

Но носила.

Первые недели после похорон Андрей иногда задевал халат плечом и каждый раз вздрагивал. Потом перестал.

Теперь он решил: надо выбросить. Не убрать в шкаф, не сложить в пакет — именно выбросить.

Он снял халат с крючка, понёс на кухню и достал мусорный пакет. Халат не помещался. Можно было свернуть плотнее, но Андрей почему-то не стал. Положил его на спинку стула и включил чайник.

Так закончилась первая попытка разобрать вещи Елены. Вторая началась после обеда.

Андрей принёс из кладовки три коробки и написал маркером: «ОТДАТЬ», «ВЫБРОСИТЬ», «ОСТАВИТЬ». Последнее слово показалось глупым. Оставить кому? Он зачеркнул его и написал сверху: «ПОТОМ».

Шкаф открылся с тихим скрипом.

Её одежда висела слева, его — справа. Так было всегда. Даже когда они переехали в эту квартиру и купили огромный шкаф во всю стену, Елена сказала:

— Только давай не будем захватывать территории.

— Какие ещё территории?

— Личные.

— После двадцати лет брака?

— Особенно после двадцати лет брака.

Андрей вспомнил разговор настолько отчётливо, что посмотрел на дверь спальни, будто Елена могла стоять там.

Никого.

Через двадцать минут работа пошла быстрее. Платья, блузки, туфли отправлялись в «ОТДАТЬ», растянутые майки — в «ВЫБРОСИТЬ». Старый свитер, шарф с красными квадратами и домашняя футболка — в «ПОТОМ».

С вещами было проще. У них хотя бы были категории.

В одном из нижних ящиков лежали старые квитанции, инструкции, гарантийные талоны и распечатки.

— Господи, Лена...

Он впервые за день улыбнулся. Елена ничего не выбрасывала из документов. В доме могла исчезнуть нужная отвёртка, но чек на чайник, сломавшийся двенадцать лет назад, сохранялся непременно.

Под бумагами обнаружилась фотография. Они с Еленой стояли возле моря. Турция, наверное. Год 2004-й или пя-

тый. Елена шурилась от солнца и придерживала волосы рукой. Андрей рядом — загорелый, худой, в нелепой белой рубашке.

На обороте её почерком:

«Андрюша опять обгорел. 14 июня».

Года не было.

Фотография отправилась в «ПОТОМ».

К пяти часам шкаф опустел наполовину. Можно было остановиться, но Андрей боялся: если закроет его сегодня, неизвестно, когда откроет снова.

На верхней полке стояли две обувные коробки. В первой — старые письма, документы и детские фотографии. Во второй — толстая синяя папка на резинке.

Андрей сразу понял, что никогда её не видел.

Это ничего не означало. За двадцать шесть лет совместной жизни он не видел тысячи вещей, принадлежавших жене. Елена не рылась в его ящиках, он — в её.

Территории.

На обложке папки ничего не было. Внутри — листы, исписанные от руки, распечатки, маленькие записки, фотографии.

Первый лист представлял собой таблицу: слева фамилии и имена, справа названия книг.

«Соколова Ирина — „Летний дождь“». «Максимов Олег Петрович — „Три товарища“». «Рита К. — „Человек, который смеётся“». «Денис Шувалов — „Маленький принц“».

«Валентина Семёновна — „Доктор Живаго“».

И так дальше.

Некоторые названия были зачёркнуты, возле нескольких стояли галочки, где-то Елена ставила даты.

Андрей пересчитал строки.

Сорок три.

Из этих людей он знал пятерых. Ирину Соколову помнил смутно — они когда-то вместе работали. Максимов, кажется, был преподавателем. Валентина Семёновна — соседка из их первой квартиры.

Остальные ничего ему не говорили.

Особенно он задержался на имени «Михаил Ветров».

Рядом: «Фаулз. „Волхв“».

Ни даты, ни пояснения.

Михаил Ветров.

Никогда не слышал.

Под списком лежали маленькие листки:

«Ира. 2003. День рождения. Сказала, что хочет всё бросить».

«Денис. После разговора на курсах. Май».

«В.С. Не забыть перед отъездом».

Это напоминало чужую бухгалтерию, только вместо денег Елена учитывала людей.

Андрей почувствовал знакомое бытовое раздражение — такое возникало, когда Елена что-то решала и начинала делать, не считая нужным рассказать.

Наверное, рабочее. Несколько лет она преподавала на курсах, потом занималась библиотечными проектами, организовывала литературные вечера.

Она рассказывала.

Он слушал.

Теперь выяснялось, что между этими действиями существует большая разница.

Андрей уже хотел закрыть папку, когда заметил белый конверт. На нём было написано одно слово:

«Андрею».

Он перенёс папку на кухню, поставил чайник и только потом вскрыл конверт.

Внутри был один лист. Почерк Елены — поздний, неровный.

«Андрей.

Если ты нашёл эту папку, значит, всё-таки начал разбирать шкаф. Я почему-то была уверена, что раньше чем через полгода ты к нему не подойдёшь».

Он посмотрел на календарь.

Шесть месяцев и девять дней.

— Молодец, — сказал Андрей.

И продолжил:

«Здесь список книг, которые я когда-то дарила людям. Не всех, конечно. Только тех, где я писала что-то важное.

Мне нужно, чтобы ты их нашёл.

Не забирай книги. Они принадлежат тем, кому я их пода-

рила. Просто попроси разрешения открыть и прочитать то, что написано в начале.

Если книги больше нет — ничего страшного. Если человек не захочет показывать — тоже. Не спорь.

Я знаю, что ты сейчас думаешь: зачем?

Не буду объяснять. Если объясню, ты прочитаешь объяснение и никуда не пойдёшь.

А мне нужно, чтобы ты пошёл.

Лена».

Андрей перечитал записку.

Потом ещё раз.

На третий раз почувствовал злость.

— Что за ерунда?

Елена умерла полгода назад, но умудрилась дать ему поручение. Причём именно в своей манере: не «пожалуйста», не «если сможешь», а «мне нужно, чтобы ты их нашёл».

Сорок три человека.

Она серьёзно рассчитывала, что он станет разыскивать их ради дарственных надписей? Кто-то переехал. Кто-то выбросил книгу. Кто-то умер.

Нет.

Он не будет этим заниматься.

Человек имеет право не выполнять последнее желание умершего, если оно бессмысленно.

Андрей закрыл папку и поставил её на край стола.

Вечером он смотрел телевизор, но через сорок минут так

и не понял, кто кого убил в сериале.

Перед сном вернулся в спальню. На кровати лежал халат. Андрей хотел наконец засунуть его в мусорный пакет, но вместо этого повесил обратно в ванной.

На следующий день он ушёл на работу и о папке почти не вспоминал.

Почти.

Вечером она лежала там же.

Андрей приготовил чай, открыл папку и снова посмотрел на первое имя.

Соколова Ирина.

Он помнил её лучше, чем казалось вчера. Высокая, с короткими светлыми волосами. Работала с Еленой в издательстве в начале двухтысячных. Один или два раза была у них дома, курила на балконе, громко смеялась.

Однажды Елена сказала:

— Ира сегодня уволилась.

— Куда?

— Никуда.

— Просто уволилась?

— Да.

У них тогда был кредит, маленький ребёнок, денег постоянно не хватало. Возможность уйти с работы «никуда» казалась Андрею почти неприличной.

— Дурь какая-то, — сказал он.

Елена промолчала.

Теперь возле имени Ирины стояло название «Летний дождь», а на отдельной бумажке:

«2003. День рождения. Сказала, что хочет всё бросить».

Андрей взял телефон.

Он не собирался никому звонить. Просто посмотреть.

Поиск быстро привёл к старой статье, потом — к странице Ирины в социальной сети. Седые короткие волосы, очки, та же широкая улыбка.

Можно было написать.

«Здравствуйте. Я муж Елены Воронцовой».

И что дальше?

«У вас сохранилась книга, которую моя жена подарила вам двадцать три года назад? Я хотел бы прочитать дарственную надпись».

Сумасшедший.

Он отложил телефон. Потом снова взял.

На странице был указан адрес электронной почты.

«Здравствуйте, Ирина. Не знаю, помните ли вы меня. Я Андрей Воронцов, муж Елены».

Слово «муж» выглядело неправильно. Он всё ещё был её мужем?

«После смерти Лены я нашёл среди её вещей одну просьбу. Она касается книги, которую Лена когда-то вам подарила. Если книга сохранилась, я хотел бы с вами встретиться.

Если вы не хотите, я пойму».

Он нажал «Отправить» раньше, чем успел передумать.

Ответ пришёл через одиннадцать минут.

«Андрей, конечно, я вас помню. Про Лену знаю. Простите, что тогда не написала вам.

Книга у меня.

Я понимаю, зачем вы её ищете.

Приезжайте завтра после шести».

Андрей дважды прочитал предпоследнюю строку.

«Я понимаю, зачем вы её ищете».

Он посмотрел на синюю папку.

Впервые с тех пор, как нашёл её, ему стало не просто любопытно.

Ему стало не по себе.

Глава 2

На следующий день Андрей трижды собирался написать Ирине, что не приедет.

Первый раз — утром, пока пил кофе. Второй — после обеда. Третий — уже выйдя из офиса.

Каждый раз находилась вполне разумная причина.

Вечером обещали дождь. До Ирины нужно было ехать через полгорода. Да и вообще вчерашнее письмо теперь казалось ему результатом минутной слабости.

Но в половине шестого он всё-таки спустился в метро.

Адрес Ирина прислала утром. Андрей ожидал увидеть старую квартиру где-нибудь в центре, однако она жила в новом доме возле большого парка.

Дверь открыла почти сразу.

— Андрей?

— Здравствуйте.

— Господи, сколько лет.

Она постарела сильнее, чем на фотографии. Волосы были совсем седыми, лицо — худым, но улыбка осталась прежней.

Ирина неожиданно обняла его.

Андрей не успел ответить и только неловко коснулся ладонью её плеча.

— Простите, — сказала она. — Я всегда так. Лена надо мной смеялась. Говорила, что я нарушаю личные границы

быстрее, чем успеваю поздороваться.

Услышав имя жены произнесённым так легко, Андрей почувствовал что-то похожее на обиду.

Он сам почти перестал говорить «Лена». С другими говорил «жена», «Елена». Иногда вообще обходился без имени.

А здесь Лена словно была жива и могла войти следом.

— Проходите.

Квартира оказалась небольшой и очень светлой. На подоконниках стояли растения, вдоль стены — книги.

Андрей невольно посмотрел на корешки.

Ирина заметила.

— Она не там.

— Кто?

— Книга.

Она улыбнулась.

— Я вчера сразу поняла, зачем вы написали.

На кухне уже стояли чашки и чайник.

— Чай? Кофе?

— Чай.

Ирина достала коробку.

— Чёрный, зелёный, какой-то с бергамотом...

— Обычный.

— Лена тоже всегда просила обычный.

Опять.

Андрей сел.

— Вы часто общались?

Ирина на секунду задумалась.

— Когда?

— Ну... вообще.

— Сначала часто. Потом реже. Последние годы почти нет.

Поздравляли друг друга с днём рождения. Иногда переписывались.

— Ясно.

Ничего ясно ему не было.

Ирина поставила перед ним чашку.

— Как вы?

Вопрос был неизбежным, но Андрей всё равно его не любил.

— Нормально.

— Это хорошо.

Она не стала добавлять ничего из того, что обычно добавляли люди: «держитесь», «время лечит», «надо жить дальше».

За это он был благодарен.

Несколько минут говорили о постороннем. Ирина рассказала, что давно ушла из издательства, работает дома. Сын живёт в Казани. Внуку семь.

Потом она вдруг сказала:

— Ладно. Вы ведь не за этим приехали.

Встала и ушла в комнату.

Вернулась с книгой.

Обложка была потёртая, уголки загнуты.

— Вот.

Андрей взял её двумя руками.

«Летний дождь».

То самое название из списка.

Книга выглядела слишком обычной для вещи, ради которой он проехал через весь город.

— Открывайте.

Он открыл.

На форзаце почерк Елены.

Сразу узнал.

Тогда она писала мельче и ровнее.

«Ирке.

Ты умеешь уходить оттуда, где тебе плохо. Я тебе за это завидую.

Мне всё время кажется, что хороший человек должен терпеть, если однажды что-то выбрал. Работу. Дом. Человека. Жизнь.

А иногда смотрю на тебя и думаю: может быть, ты права, а я просто боюсь.

Если когда-нибудь решусь — знай, что это отчасти благодаря тебе.

Лена.

2003».

Андрей прочитал один раз.

Потом второй.

На третий не хватило терпения.

Он закрыл книгу.

— Что это значит?

Ирина не ответила сразу.

— Ровно то, что написано.

— Я умею читать.

— Тогда зачем спрашиваете?

Ему не понравился её тон.

— Она хотела уйти от меня?

— Андрей...

— Здесь написано «человека».

— Здесь много чего написано.

— Я вижу.

Ирина вздохнула.

— Я не знаю, хотела ли Лена уйти от вас.

— Но вы с ней это обсуждали.

— Мы обсуждали жизнь.

— Очень конкретный ответ.

— А вы хотите конкретный?

— Да.

Ирина посмотрела ему в глаза.

— Хорошо. В какой-то момент Лена думала, что живёт не так, как хотела.

Андрей усмехнулся.

— Это можно сказать про любого человека.

— Можно.

— Тогда ничего особенного.

— Ничего.

Ирина потянулась за чайником.

Именно это спокойствие разозлило его больше всего.

— У нас тогда всё было нормально.

— Я не говорила, что было ненормально.

— В 2003-м мы только квартиру купили. Сыну было четыре. Лена собиралась менять работу.

Он перечислял факты, словно они могли что-то доказать.

— Мы в Турцию первый раз поехали через год.

— Андрей, я не судья.

— А я не оправдываюсь.

— Тогда хорошо.

Он замолчал.

За окном начинался дождь.

Ирина взяла книгу, но Андрей не отпустил её сразу.

— Почему она вам это написала?

— Потому что я уволилась.

— Это я помню.

— Правда?

— Лена рассказывала.

Ирина улыбнулась.

— А что именно?

Андрей вспомнил разговор.

«Ира сегодня уволилась».

«Куда?»

«Никуда».

И его собственное:

«Дурь какая-то».

— Что вы ушли в никуда.

— И всё?

— Наверное.

Ирина провела пальцем по краю чашки.

— Я тогда не просто уволилась. Я ушла от мужа.

Андрей посмотрел на неё.

— В один день. С работы и от мужа. Сняла комнату, хотя зарплаты почти не было. Все считали, что я сошла с ума.

— И Лена?

— Лена тоже.

Это почему-то принесло ему облегчение.

Но Ирина продолжила:

— Первые недели. Потом она стала приезжать.

— К вам?

— Да.

— Зачем?

— Сидели. Разговаривали. Иногда пили вино.

Андрей попытался вспомнить те месяцы.

Двадцать три года назад.

Ему было двадцать восемь. Нет, двадцать девять.

Новая квартира. Ремонт. Денег не хватало. Сын часто болел. Андрей задерживался на работе, потому что взял дополнительный проект.

Елена несколько раз говорила, что идёт к Ире?

Возможно.

— Она жаловалась на меня?

Ирина улыбнулась.

— Вы всё хотите свести к себе.

— Если жена говорит, что хочет изменить жизнь, муж обычно имеет к этому какое-то отношение.

— Имеет. Но не обязательно является причиной.

Андрей промолчал.

— Лена была очень уставшая, — сказала Ирина. — Ей казалось, что она в двадцать девять лет уже прожила всю жизнь наперёд. Муж, ребёнок, ипотека, работа. Понедельник, вторник, среда. И дальше можно просто перелистывать календарь.

— Она так говорила?

— Примерно.

— Почему мне не говорила?

Ирина посмотрела на него почти с жалостью, и Андрей сразу пожалел о вопросе.

— Может, говорила.

— Я бы запомнил.

— Вы уверены?

Он хотел ответить, но не стал.

Ирина открыла книгу на форзаце.

— Знаете, что я тогда подумала, когда прочитала?

— Что?

— Что Лена мне завидует совершенно зря.

Она засмеялась.

— Я сидела в съёмной комнате с тараканами, без денег, после развода и думала, что совершила самую большую глупость в жизни. А она завидовала моей свободе.

— Вы вернулись к мужу?

— Нет.

— Значит, не зря.

— Это я поняла гораздо позже.

Она закрыла книгу.

— Хотите забрать?

Андрей вспомнил записку Елены.

«Не забирай книги».

— Нет.

— Правильно.

— Почему?

— Потому что она подарила её мне.

В её голосе не было ни вызова, ни просьбы. Просто факт.

Андрей поднялся.

— Спасибо.

— Уже?

— Мне пора.

В прихожей Ирина вдруг сказала:

— Подождите.

Она ушла и принесла старую фотографию.

Три женщины сидели за столиком летнего кафе. Андрей сразу увидел Елену.

Она была в белой футболке, волосы собраны, в руке сигарета.

— Лена не курила.

— Иногда курила.

— Никогда.

— При вас, наверное, нет.

Ирина протянула фотографию.

— Заберите.

Андрей не взял.

— Не надо.

— Почему?

Он сам не знал.

На фотографии Елена смеялась.

Не улыбалась для камеры, а именно смеялась — запрокинув голову, закрыв глаза.

Андрей вдруг понял, что не помнит, когда видел её такой.

— Оставьте себе.

Он надел куртку.

— Андрей.

Он обернулся.

— Не превращайте это в расследование.

— Что?

— Лена не была преступницей. А вы не следователь.

— Я и не собираюсь.

— Собираетесь. Уже.

На улице дождь усилился.

До метро Андрей шёл пешком, хотя можно было проехать две остановки на автобусе.

В голове всё время повторялась одна фраза.

«Если когда-нибудь решусь...»

Решусь на что?

Уйти с работы?

Уехать?

Развестись?

Начать сначала?

Ирина сказала, что не знает.

Андрей ей не поверил.

Дома он первым делом достал синюю папку.

Нашёл строку:

«Соколова Ирина — "Летний дождь"».

Поставил рядом галочку.

Рука задержалась над листом.

Так делала Елена.

Теперь сделал он.

Андрей пролистал список.

Следующее имя было ему незнакомо.

«Денис Шувалов — "Маленький принц"».

Он нашёл бумажку:

«Денис. После разговора на курсах. Май».

Никакого года.

Андрей отложил её.

Ему хватило Ирины.

Он закрыл папку и лёг спать.
Через десять минут встал.
Вернулся на кухню.
Открыл ноутбук и набрал:
«Денис Шувалов Елена Воронцова курсы».
Поиск выдал несколько страниц.
Андрей смотрел на экран.
Потом тихо сказал:
— Ну и зачем?
Ответить было некому.
Он нажал на первую ссылку.

Глава 3

Денис Шувалов нашёлся не сразу.

Первая ссылка вела на старую программу литературного фестиваля. Вторая — на страницу какого-то фотографа. Третья не открывалась.

Андрей уже собирался закрыть ноутбук, когда заметил внизу страницы архив курсов, где когда-то преподавала Елена.

Он нажал.

Фотографии были маленькие, плохого качества.

«Литературная мастерская. Группа 2012 года».

Елена стояла у доски.

Андрей увеличил снимок.

Ей было тридцать девять. Он хорошо помнил тот период: сыну тринадцать, дача тестя наконец продана, они затеяли ремонт кухни.

А ещё Елена вдруг решила преподавать.

— Зачем тебе это? — спросил Андрей.

— Интересно.

— Денег там хоть платят?

— Немного.

— Тогда зачем?

Она засмеялась:

— Ты уже спросил.

Курсы проходили два вечера в неделю. Андрей считал это очередным увлечением, которое скоро закончится.

Через три года так и произошло.

Теперь он смотрел на фотографию и пытался вспомнить хоть одно имя её учеников.

Не мог.

Под снимком перечислялись участники.

Денис Шувалов был четвёртым.

Дальше оказалось проще.

Он работал редактором интернет-журнала. На сайте имела-
лась служебная почта.

Андрей написал почти теми же словами, что Ирине.

Ответа в тот вечер не было.

Утром тоже.

К обеду Андрей решил, что Шувалов отвечать не станет,
и почувствовал неожиданное облегчение.

В половине четвёртого пришло письмо.

«Здравствуйте, Андрей. Конечно, помню Елену Сергеев-
ну. Книга сохранилась. Давайте встретимся».

Внизу был номер телефона.

Андрей позвонил.

Денис предложил кафе возле своей работы.

— Сегодня сможете?

Андрей хотел сказать, что нет.

— Смогу.

В кафе было шумно. Денис уже сидел у окна.

Андрей ожидал увидеть почти мальчишку, бывшего студента Елены, и только на месте сообразил, что с тех курсов прошло четырнадцать лет.

Денису было около сорока. Крупный, бородатый, в очках. На столе перед ним лежала тонкая книга.

— Андрей?

Они пожали руки.

— Спасибо, что согласились.

— Я удивился.

— Чему?

— Что вы написали.

Денис подвинул книгу.

— Я про Елену Сергеевну узнал случайно. Несколько месяцев назад. Хотел вам написать, потом подумал: кто я вообще такой?

Андрей уже слышал нечто похожее от Ирины.

После смерти Елены многие люди, оказывается, хотели ему написать и не написали.

— Вы хорошо её знали?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— То есть?

— Она была моим преподавателем. Один курс. Четыре месяца.

— И сохранили книгу четырнадцать лет?

Денис посмотрел на «Маленького принца».

— Сохранил.

Андрей открыл форзац.

На первой странице было написано:

«Денису.

Есть дни, когда кажется, что ничего уже не исправить. Это неправда.

Иногда достаточно пережить сегодняшний день и не принимать никаких решений до завтра.

А завтра — ещё один.

И так столько раз, сколько понадобится.

Е.В.»

Андрей перечитал.

В отличие от надписи Ирине здесь не было ничего личного.

— И всё?

Денис нахмурился.

— А чего вы ожидали?

— Ничего.

Андрей закрыл книгу.

Странно. Он действительно был разочарован.

— Почему она вам её подарила?

Денис снял очки.

— Она вам не рассказывала?

— Если бы рассказывала, я бы не спрашивал.

— Логично.

Он помолчал.

— Я тогда хотел покончить с собой.

Андрей поднял глаза.

За соседним столиком кто-то громко смеялся.

— Простите?

— Ничего. Сейчас об этом можно говорить.

Денис снова надел очки.

— Мне было двадцать пять. Я считал, что жизнь закончилась. Девушка ушла. Из университета вылетел. С родителями не разговаривал. Денег не было. Сейчас смешно перечислять.

— Не очень смешно.

— Сейчас — немного. Тогда нет.

Он покрутил чашку.

— На курсах дали задание написать рассказ о самом страшном дне в жизни. Я написал про человека, который выходит из дома, едет на вокзал и бросается под поезд.

— Елена поняла?

— Все поняли, что рассказ плохой. Только она поняла другое.

— Что?

— Что я описал не выдумку.

Андрей посмотрел на надпись.

«Пережить сегодняшний день».

— Что она сделала?

— После занятия попросила остаться.

— И?

— Разговаривала со мной часа три.

— О чём?

Денис улыбнулся.

— Не помню.

— Три часа?

— Именно поэтому и не помню. Она не читала лекцию о ценности жизни. Не говорила, что всё наладится. Мы говорили о какой-то ерунде. О книгах. О метро. Она рассказывала, как однажды потерялась в Праге.

Андрей нахмурился.

— В Праге?

— Кажется.

— Она никогда не была в Праге.

Денис пожал плечами.

— Значит, в другом городе.

Андрей неожиданно почувствовал облегчение.

Хотя какая разница?

— Потом она проводила меня домой, — продолжил Денис. — На следующий день позвонила. Через день снова. А через неделю подарила эту книгу.

— Вы были её студентом четыре месяца.

— Да.

— И она вам звонила?

— Несколько недель.

Андрей откинулся на спинку стула.

В две тысячи двенадцатом Елена приходила домой поздно

дважды в неделю.

Иногда говорила, что ученики задержали.

Он раздражался.

Не потому, что ревновал. Ему приходилось готовить ужин и проверять уроки у сына.

Однажды они даже поссорились.

«Ты можешь хотя бы предупреждать?»

«Я предупреждала».

«В половине десятого — это предупреждала?»

Теперь Андрей пытался понять: не был ли тот вечер одним из тех, когда Елена сидела с Денисом.

— У неё самой тогда всё было нормально?

Денис посмотрел внимательно.

— Не знаю.

— Вы сказали, что разговаривали.

— Но о себе она почти не рассказывала.

— Совсем?

Денис помолчал.

— Один раз сказала странную вещь.

— Какую?

— Что легче удержать другого человека на краю, чем себя.

Андрей почувствовал, как внутри что-то сжалось.

— В каком смысле?

— Не знаю.

— Вы не спросили?

— Спросил. Она сказала, что это просто фраза.

— И всё?

— Всё.

Андрей взял книгу снова.

Почерк был знакомым.

Две буквы «Е.В.» внизу.

Не Лена.

Не Елена.

Е.В.

Как будто она намеренно оставила себя за пределами этих нескольких строк.

— Можно сфотографировать?

— Конечно.

Андрей достал телефон.

Сделал снимок.

У Ирины он почему-то не догадался.

— Отправьте мне? — спросил Денис.

— Зачем? Книга же у вас.

— Не книгу. Фотографию Елены Сергеевны, если у вас есть.

Андрей растерялся.

— Какую?

— Любую.

Он нашёл в телефоне снимок, сделанный за год до болезни. Елена стояла на даче возле яблони.

Показал.

— Эту?

— Да.

Андрей отправил.

Денис посмотрел на экран и улыбнулся.

— Такая же.

— Кто?

— Елена Сергеевна.

— Здесь ей пятьдесят.

— Я не про возраст.

Они вышли вместе.

У метро Денис протянул руку.

— Спасибо, что нашли меня.

Андрей удивился.

— Это мне надо благодарить.

— Нет.

Денис помедлил.

— Я всё думал, написать ей или нет.

— Когда?

— Последние годы. Рассказать, что у меня всё нормально.

Женился. Дочь родилась. Работа есть. В общем, что тот день закончился.

— Почему не написали?

— Казалось, ещё успею.

Андрей ничего не ответил.

Эту фразу он знал слишком хорошо.

Дома он достал папку и поставил вторую галочку.

Потом открыл фотографию дарственной.

Увеличил.

«Иногда достаточно пережить сегодняшний день...»

Он долго смотрел на слова.

Когда Елена заболела, они почти не разговаривали о смерти.

О лекарствах — да.

Об анализах.

О врачах.

О том, где достать препарат.

О том, что приготовить на ужин.

О смерти — никогда.

Однажды Андрей попытался.

Елена лежала в спальне. Было уже ясно, что лечение не помогает.

Он сказал:

— Лен, если ты хочешь о чём-нибудь поговорить...

Она ответила:

— Хочу.

Он сел рядом.

— О чём?

— Купи нормальные помидоры. Эти пластиковые.

Андрей рассмеялся.

Она тоже.

И разговор закончился.

Теперь ему вдруг пришло в голову: возможно, Елена не молчала о смерти.

Возможно, просто говорила о ней не с ним.

Мысль была неприятной.

Он вернулся к папке.

На этот раз не стал брать следующее имя по порядку.

Просмотрел все сорок три.

И снова остановился на том, которое заметил ещё в первый вечер.

«Михаил Ветров — Фаулз. "Волхв"».

Почему именно оно?

Наверное, потому что мужское имя.

Глупость.

В списке было много мужчин.

Андрей стал искать бумажку с пояснением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.